

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

«Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе

О.А. Сагалакова¹✉, Д.В. Труевцев¹, О.В. Жирнова¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ olgasagalakova@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Комбатанты и ветераны боевых действий в силу специфики пережитого опыта могут сталкиваться с повышенным риском суицидальных мыслей и поведения, что делает предотвращение самоубийств актуальной задачей. Понимание переменных в динамике генеза суицидальности и факторов резидентности имеет ключевое значение для улучшения прогнозирования риска и разработки эффективных стратегий психологического вмешательства и профилактики. **Цель.** Представить и теоретически обосновать модель психологических механизмов перехода от моральной травмы к повышению риска суицидального поведения у комбатантов и ветеранов боевых действий, с учетом опосредующей роли диссоциации. Практической целью модели выступает обоснованная профилактика поведенческих рисков.

Гипотеза. Моральная травма через негативные когнитивно-аффективные состояния (стыд, вина, ощущение «ловушки») может повышать вероятность суицидальных мыслей, а диссоциация, на фоне дефицита резидентности, катализировать переход к суицидальным действиям. **Методы и материалы.** Проведен обзорно-аналитический анализ научной литературы по моральной травме, боевому стрессу, суициду и диссоциации у комбатантов и ветеранов боевых действий; выполнено теоретическое моделирование механизмов влияния диссоциации и моральной травмы на суицидальное поведение.

Результаты и обсуждение. Разработана модель, иллюстрирующая путь от потенциально морально травмирующих событий и моральной травмы к суицидальному поведению, опосредованный когнитивно-аффективными переменными, диссоциацией и дефицитом резидентности («Эффект Аякса»). Проанализированы виды моральной травмы, типология потенциально морально травмирующих событий в контексте риска самоубийства. **Заключение.** Предложенная модель концептуализирует, как моральная травма и диссоциация

275

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суициdalного поведения при боевом стрессе. *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

могут способствовать повышению суициdalного риска у комбатантов и ветеранов боевых действий, что предоставляет основу для разработки более точных методов диагностики и целенаправленных профилактических мер. Диссоциация, сопровождаясь снижением болевой чувствительности и отстраненностью от переживаний, может усиливать переход от суициdalных мыслей к действиям, что подчеркивает важность работы с этим механизмом в целях превенции суициdalного поведения.

Ключевые слова: моральная травма, потенциально морально травмирующие события, «эффект Аякса», боевой стресс, суициdalные мысли и поведение, диссоциация, стыд и вина

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-01847, <https://rscf.ru/project/24-28-01847/>

Для цитирования: Сагалакова, О.А., Труевцев, Д.В., Жирнова, О.В. (2025). «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суициdalного поведения при боевом стрессе. *Психология и право*, 15(4), 275—297. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150415>

"The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress

O.A. Sagalakova¹✉, D.V. Truevtsev¹, O.V. Zhirnova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ olgasagalakova@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Combatants and combat veterans, due to the specific nature of their experiences, may face an elevated risk of suicidal ideation and behavior, rendering suicide prevention a critical challenge. Understanding the variables in the dynamics of suicidality genesis and resilience factors is crucial for improving risk prediction and developing effective psychological intervention and prevention strategies. **Objective.** To present and theoretically substantiate a model of the psychological mechanisms underlying the transition from moral injury to suicidal behavior among combatants and combat veterans, considering the mediating role of dissociation. The practical purpose of the model is the reasonable prevention of behavioral risks. **Hypothesis.** The model hypothesizes that moral injury, through negative cognitive-affective states (e.g., shame, guilt, entrapment), leads to suicidal ideation, while dissociation, exacerbated by resilience deficits, catalyzes the transition to suicidal action. **Methods and materials.** A review and analysis of scientific literature on moral injury, combat stress, suicide, and dissociation among military personnel were conducted; theoretical modeling of the mechanisms by which dissociation and moral injury influence suicidal behavior was performed. **Results and discussion.** A model was developed illustrating the pathway from potentially morally injurious events and moral injury to suicidal behavior, mediated by cognitive-affective

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

variables, dissociation, and resilience deficits (termed the 'Ajax effect'). Types of moral injury and the typology of potentially morally injurious events were analyzed in the context of suicide risk. **Conclusions.** The proposed model conceptualizes how moral injury and dissociation can contribute to an increased risk of suicide among combatants and combat veterans, which provides a basis for the development of more accurate diagnostic methods and targeted preventive measures. Dissociation, accompanied by reduced pain sensitivity and detachment from experiences, can facilitate the transition from suicidal thoughts to actions, which underscores the importance of addressing this mechanism for the purpose of suicide prevention.

Keywords: moral injury, potentially morally injurious events, "Ajax effect", combat stress, suicidal thoughts and behavior, dissociation, shame and guilt

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 24-28-01847, <https://rscf.ru/project/24-28-01847/>

For citation: Sagalakova, O.A., Truevtsev, D.V., Zhirnova, O.V. (2025). "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress. *Psychology and Law*, 15(4), 275—297. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150415>

Введение

Оценка распространенности неблагоприятных социально-психологических факторов и проблем с психическим здоровьем, произведенная во многих странах среди участников различных боевых действий, показала, что военнослужащие-комбатанты и ветераны боевых действий сталкиваются с комплексом факторов (Зеленина и др., 2024), которые могут формировать группу повышенного риска суицидальных мыслей (СМ) и суицидального поведения (СП). Психологические механизмы такого риска активно обсуждаются в настоящее время, их глубокое понимание необходимо для создания эффективных программ профилактики и поддержки (Днов и др., 2024; Bryan et al., 2018; Levi-Belz, Zerach, 2018; Nicther et al., 2020; Zerach, Levinstein, Levi-Belz, 2024). Данные о соотношении числа самоубийств среди выборок военнослужащих, в том числе имеющих опыт участия в боевых действиях, и гражданского населения остаются противоречивыми (Turecki et al., 2019). Заинтересованные стороны в сфере политики, научных исследований и клинической практики выступают за усиление мер по решению проблемы профилактики суицидального поведения (Bryan et al., 2018; Houle et al., 2024; Lamontagne et al., 2023; Nicther et al., 2020).

Военнослужащие во время подготовки и адаптации к армейской культуре, а также вернувшиеся к гражданской жизни ветераны, участвовавшие в бою, по сравнению с теми, кто находится в условиях боевых действий, совершают большее число попыток самоубийства (Campbell, 2023; Nicther et al., 2020). В современных моделях суицида обсуждается значимость владения огнестрельным оружием, а также его доступность (Nicther et al., 2020).

В контексте профилактики СП у комбатантов и ветеранов боевых действий определены психологические факторы риска, в числе которых хорошо известны социально-демографические характеристики, психические расстройства, в особенности ПТСР и депрессия, употребление ПАВ, черепно-мозговые травмы, нарушения сна, трудности управления гневом, отсутствие социальной поддержки, прошлые попытки самоубийства, импульсивность, предикторы окружающей среды, детская травма, снижение присутствия

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

смысла жизни, а также боевой стресс (БС), моральная травма (МТ) и ее виды (Currier et al., 2018; Johnson et al., 2010; Joiner, 2005).

Показатели самоубийств в вооруженных силах динамично изменяются, в исследованиях приводятся как общие, так и специфичные факторы риска суицида в разных категориях военнослужащих. У военнослужащих, проходящих службу по призыву, доминируют военно-профессиональные причины СП (трудности военной службы, страх ответственности за проступок, неуставные взаимоотношения, проблемы адаптации, связанные со служебными нагрузками), у военнослужащих по контракту — семейно-бытовые (Днов и др., 2024).

Среди психологических факторов СП у части комбатантов может рассматриваться БС — комплексное психофизиологическое явление, которое в отечественной психологии определяется как «...многоуровневый процесс адаптационной активности военнослужащего... сопровождаемый напряжением механизмов реактивной саморегуляции» (Кааяни, 2024, с. 259). Причем этот процесс может протекать на разных уровнях — от конструктивной адаптации до деструктивных и травматических состояний (Кааяни, 2024). С БС могут сталкиваться не только комбатанты, но и, к примеру, сотрудники спецподразделений, а также гражданское население, попавшее в зону ведения боевых действий. Однако необходимо отметить, что подавляющее большинство военнослужащих, чья служба не связана с непосредственным участием в боевых действиях (например, в РВСН, стратегической авиации), не подвергаются воздействию БС в его классическом понимании. Для некоторых ветеранов боевых действий БС может выступать в качестве фактора развития ПТСР, а также в виде отсроченного маркера риска СП, взаимодействие которого с недавними стрессами потенциально интенсифицирует суицидальный риск (Bryan et al., 2018; Joiner, 2005; Rudd, 2006).

В ряду факторов резилентности важнейшими для профилактики СП являются посттравматический рост, обретение смысла жизни, социальная поддержка, чувство общности с другими, самораскрытие и самопрощение, позитивная перспектива будущего, контекстуальная переработка травмы, реализация социальных мотивов, навыки саморегуляции и планирования деятельности при опосредствовании реакции в условиях стресса (Bryan et al., 2018; Levi-Belz, Zerach, 2018; Nichter et al., 2020; Zerach, Levinstein, Levi-Belz, 2024).

В отечественных работах освещены особенности психических состояний и реакций, психологических переживаний и поведения, смыслоложиленных ориентаций личности в сложных профессиональных и экстремальных ситуациях, в том числе в условиях боевых действий (Кадыров, Дмитриева, 2021; Кааяни, 2024; Китаев-Смык, 2001; Крюков и др., 2023; Столяренко, 2008; Сукиасян и др., 2024; Шамрей и др., 2025). А.М. Столяренко экстремальными определяет ситуации непомерных трудностей, обязывающих к полному, крайнему, предельному напряжению сил и возможностей, чтобы справиться с ними и решить стоящую задачу. Обсуждаются основные типы экстремальных ситуаций (объективно, потенциально, лично спровоцированные (виктимные) и воображаемые экстремальные ситуации), а также психогенные факторы экстремальной ситуации, среди которых высокая ответственность за принятие решения, дефицит времени, интенсивность деятельности, отсутствие отдыха, психотравмирующие события, продолжительная бдительность (Столяренко, 2008). В трудах Л.А. Китаева-Смыка представлен опыт изучения психологии

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

боя, сравнительных особенностей поведения человека при «стрессе смерти» в бою и при «стрессе жизни» в обычных условиях (Китаев-Смык, 2001).

В последнее десятилетие особое внимание в повышении риска суицида при БС уделяется МТ (Bryan et al., 2018), полученной в результате серьезного нарушения моральных ценностей и убеждений при выполнении боевых задач (Kelley et al., 2021; Levi-Belz, Zerach, 2018), связанной с этим диссоциативным симптомом, а также более высоким пороговым значением боли и страха смерти, приобретенной в ходе военной подготовки и прохождения действительной службы (Nichter et al., 2020). Термин МТ впервые обсуждался J. Shay в 1994 году на основе клинических наблюдений за ветеранами вооруженных сил США времен Вьетнама. Современное понятие МТ получило повсеместную поддержку в контексте изучения проблемы СП при БС, именно В.Т. Litz и коллеги (Litz, Stein, Delaney, 2009) обратили внимание на данное явление. В рамках переживания БС особое значение могут приобретать *потенциально морально травмирующие события (ПМТС) (potentially morally injurious events, PMIEs)*, способные привести к развитию МТ. ПМТС — это события, в которых человек совершает или не предотвращает действия, нарушающие его моральные убеждения и опыт, становится свидетелем или узнает о таких действиях, (Currier et al., 2018; Litz, Stein, Delaney, 2009).

МТ рассматривается как самостоятельный фактор риска СП, обсуждается значимость включения феномена в перечень состояний, требующих специализированной реабилитации при профессиях, сопряженных с БС. Право на терапию МТ, в том числе на экстренную психологическую помощь при наличии моральных конфликтов, существенно снижает риск СП (Litz, Stein, Delaney, 2009). Обращаемость за помощью в рамках реабилитационных программ при состояниях вне психиатрического диагноза (МТ) может вырасти за счет отсутствия стигматизации, что повысит эффективность профилактики СП.

Реализуются аналитические и обзорные исследования, направленные на прояснение факторов формирования МТ и специфики диагностики и психотерапии, а также предпринимаются попытки разграничения ПТСР и МТ (Кадыров, Дмитриева, 2021). Акцентирование специалистами по психическому здоровью не только ПТСР, но МТ у участников боевых действий также может снизить суицидальный риск (Bryan et al., 2018; Zerach, Levinstein, Levi-Belz, 2024). Психологическая структура МТ и нелинейная логика разворачивания суицида представлена введением концепта «Эффект Аякса» (Сагалакова, Труевцев, Сагалаков, 2016), воплощенного в архетипической истории о взаимосвязи травмы с СМ, СП и диссоциацией.

Цель статьи — теоретическое обоснование модели, объясняющей психологические механизмы, которые могут приводить к повышению суицидального риска у комбатантов и ветеранов боевых действий при переходе от БС и ПМТС к СМ и СП. Особое внимание уделяется опосредующей роли МТ, катализирующей функции диссоциации, а также ключевому значению факторов резидентности в предотвращении этого перехода и снижении суицидального риска. Понимание этих механизмов призвано способствовать разработке научно обоснованных стратегий профилактики СП.

Гипотеза. В рамках разрабатываемой модели предполагается, что МТ (возникающая под влиянием ПМТС, факторов уязвимости, когнитивного процессинга и личностных предикторов) приводит к переживаниям стыда, вины, гнева, поражения и ощущению «ловушек», которые могут способствовать формированию СМ. Ключевым фактором, который

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суициdalного поведения при боевом стрессе. *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress. *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

потенциально облегчает переход от СМ к СП, предположительно выступает диссоциация (включая дереализацию, деперсонализацию, снижение болевой чувствительности), возникающая на фоне МТ и связанных с ней аффектов, а также дефицит резилентности («Эффект Аякса»). Наличие же выраженных факторов резилентности (например, таких как смысл жизни, посттравматический рост, социальная поддержка, навыки саморегуляции) способно препятствовать этому переходу и снижать общий суициdalный риск.

Материалы и методы исследования

Статья представляет обзорно-аналитическое исследование. Поиск литературы проводился в международных (PubMed, PsycINFO, Google Scholar, ScienceDirect) и российских (eLibrary) базах данных по ключевым словам: moral injury, suicide, combat stress, veterans, dissociation, моральная травма, суицид, боевой стресс, ветераны, диссоциация — за период с 2000 по 2025 гг. Критериями включения были публикации, рассматривающие теоретические модели и эмпирические данные о взаимосвязи МТ, диссоциации и суициdalного риска у комбатантов и ветеранов боевых действий.

Результаты и обсуждение

Роль моральной травмы в формировании суициdalного поведения: «Эффект Аякса».

МТ — комплекс экзистенциальных страданий, возникший в результате нарушения морально-этических убеждений личности. МТ как психологический стресс выступает неблагоприятным последствием ПМТС; другие определения МТ подчеркивают нарушение уверенности в себе и чувства идентичности, снижение способности доверять другим или включают духовные переживания в качестве основного фактора (Currier et al., 2018). Распространенность явления варьируется в зависимости от рода войск, эпохи и военного статуса, 10—30% комбатантов сообщают о воздействии ПМТС во время службы. Возникновение МТ связывается с тем, что во время службы была перейдена граница личных ценностей, и, как одно из возможных неблагоприятных следствий, человек испытывает чувство отвращения, гнева, вины, стыда, а также отстраненность, неспособность простить себя; в результате могут формироваться поведенческие и функциональные нарушения. При МТ принятие смысла случившегося или устранение несоответствия между личным опытом и моральным кодексом зачастую затруднительны. Некоторые участники боевых действий сообщают, что сталкивались с этически сложными решениями, принятыми за доли секунды, в которых выбор мог привести к сопутствующим негативным последствиям (Litz, Stein, Delaney, 2009).

В основополагающей работе B.T. Litz и коллеги (Litz, Stein, Delaney, 2009) обсуждают, как ПМТС могут поколебать устоявшийся морально-этический кодекс человека и подорвать фундаментальные ценностно-этические представления. Теоретические модели постулировали, что воздействие ПМТС, которые нарушают основные ценности в ситуациях с высокими ставками, может вызвать *моральный диссонанс*. Комбатантам и ветеранам боевых действий важно осознавать несоответствие между собственными стандартами и фактическим моральным нарушением, выступающее источником диссонанса. Наиболее сильные реакции (суициdalность), возможно, связаны с основными вопросами, которые формируют личность. Среди значительного меньшинства комбатантов моральный диссонанс может привести к самоизоляции, рискованным поступкам, а также к последствиям для психического и поведенческого здоровья, в частности к повышению риска суицида, ПТСР, КПТСР (Levi-Belz,

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

Zerach, 2018; Litz, Stein, Delaney, 2009). Когда ПМТС меняют фундаментальные представления, неспособность интегрировать опыт в существующую самооценку, диссоциативные явления, а также СМ и СП можно рассматривать как средство для самонаказания или избавления себя от тяжелого психологического дискомфорта (Williamson, Greenberg, Murphy, 2021).

Участие в ПМТС может быть связано с депрессией, СП, тревожностью, злоупотреблением ПАВ, диссоциацией, функциональными нарушениями, а также агрессивным поведением и проблемами в отношениях. Последствия МТ могут включать рискованное и самоповреждающее поведение, деморализацию и отчаяние, самоограничивающее поведение в виде отказа от позитивного опыта, чувство подавленности, например, ощущение безысходности, никчемности или бессмыслицности (Currier et al., 2018; Williamson, Greenberg, Murphy, 2021).

МТ — формирующееся понятие, идентифицирована как отличная от ПТСР конструкция, и, хотя данные явления имеют сходства, они различаются по основным механизмам и проявлениям. МТ больше фокусируется на этическом и смысловом дистрессе, который мог быть вызван боевым опытом, переживанием вины, стыда и гнева, а также сопряжена с социальным отчуждением. ПТСР заключается в реакциях, основанных на страхе, и влечет за собой интрузивные воспоминания и нарушения сна (Сагалакова, Труевцев, Жирнова, 2022, 2025; Murray, Ehlers, 2021). Сочетание ПТСР и МТ имеет связь с риском СМ, СП (Bryan et al., 2018), однако специалисты по психическому здоровью часто игнорируют МТ, сосредоточивая внимание только на ПТСР. Традиционная терапия ПТСР работает с травматическими воспоминаниями и эмоциями, но не восстанавливает моральную целостность, что в контексте обсуждаемой проблематики указывает на важность специального реабилитационного и профилактического фокуса на феномене МТ, закрепленного на уровне правового регулирования. Исследователи также подчеркивают важность работы с МТ в дополнение к традиционным методам терапии ПТСР при взаимодействии с ветеранами боевых действий для снижения риска самоубийства (Nichter et al., 2020).

J.M. Currier и коллеги выделили такие типы МТ, как «самонаправленная» (self-directed) и «направленная на других» (other-directed) (Currier et al., 2018). Self-directed МТ связана с действиями или бездействием самого человека, включает чувство вины и характеризуется внутренним диссонансом. Other-directed МТ возникает из-за действий других, включает переживания предательства со стороны авторитетных фигур, сопряжена с наблюдением за неэтичным поведением. Типология позволяет уточнить механизмы формирования психологических травм при БС и разработать терапевтические подходы с учетом их роли в динамике СП (Kelley et al., 2021).

Наряду с действиями или бездействиями (PMIE-Self) и свидетельством (PMIE-Others), эмпирически верифицируемым измерением ПМТС являются действия, воспринимаемые как предательство (PMIE-Betrayal). Self и Others связаны с более тяжелыми СМ (Bryan et al., 2018), а Self и Betrayal — с ощущением «ловушки», интолерантностью к неопределенности и гневом, которые ассоциированы с СМ (Levi-Belz, Zerach, 2018). Невозможность предотвратить смерть вызывает морально тяжелые переживания, которые могут предсказывать СМ и СП помимо эффектов симптомов ПТСР и депрессии (Bryan et al., 2018; Litz, Stein, Delaney, 2009). Стыд, потеря или неустойчивость смысла жизни играют значимую роль в усилении СМ у участников боевых действий, переживших МТ (Kelley et al., 2021).

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

Мужчины, подтвердившие воздействие ПМТС, связанного с преступлением, имели на 50% выше вероятность совершить попытку самоубийства во время службы и в два раза выше после увольнения со службы, однако при ПМТС, связанной с предательством, более частые попытки во время службы резко снижалась после увольнения. Женщины, пережившие предательство, были более чем на 50% склонны к СП, как во время службы, так после, но воздействие ПМТС, связанного с преступлением, не оказывало существенного влияния на попытки самоубийства (Maguen et al., 2023). Наличие психических расстройств, в частности ПТСР, КПТСР и депрессии, обычно утяжеляет последствия МТ, повышая риск самоубийства (Nichter et al., 2020). Ветераны военных действий с МТ часто негативно относятся к себе и избегают переживаний, связанных с ПМТС, что препятствует интеграции опыта (Houle et al., 2024).

Симптомы МТ более выражены у тех, кто винит себя и не склонен прощать, что может быть одним из механизмов травмы (Currier et al., 2018). A. Bonson и коллеги предложили социокогнитивную модель МТ (Bonson et al., 2024), учитывающую предрасполагающие факторы, в том числе ранний неблагоприятный опыт; когнитивные схемы оценки, в частности способ оценки травмирующих событий; поддерживающие поведенческие, когнитивные и эмоциональные факторы. Например, руминации поддерживают симптомы депрессии при МТ через пренебрежение собственными нуждами и неспособность сострадать себе. Модель помогает различать МТ от других реакций на ПМТС (Williamson, Greenberg, Murphy, 2021).

Высокий уровень социальной поддержки и самопрощения может снизить СМ у участников боевых действий с МТ (Kelley et al., 2021; Levi-Belz, Zerach, 2018). При низком уровне самораскрытия как способности делиться переживаниями чаще наблюдаются тяжелые СМ, в данном случае, напротив, протективным преимуществом будут межличностная поддержка и чувство принадлежности (Joiner, 2005; Levi-Belz, Zerach, 2018).

В античной литературе можно обнаружить описания состояний, которые наука интерпретирует как МТ. В «Илиаде» Гомера и трагедии «Аякс» Софокла представлены эпизоды, где герой сталкивается с нравственными противоречиями. Хотя понятие МТ тогда не использовалось, эмоциональный опыт Аякса в интерпретации Софокла соответствует тому, что сегодня описывается как боевая МТ, связанная с культурно-этическими установками афинского общества V века до н. э. (Christoforou, 2022). История повествует о том, что после смерти Ахилла его доспехи, символизирующие величие и честь героя, стали предметом спора между двумя достойными воинами ахейцев — Аяксом и Одиссеем. Аякс, второй по силе после Ахилла, считал, что эти доспехи должны принадлежать ему как наиболее храброму из оставшихся воинов. Однако благодаря хитроумию Одиссей выигрывает спор, и доспехи присуждаются ему. Из-за предательства Аякс впадает в ярость, совершая жестокие действия в отношении воспринимаемых предателей. В этом диссоциативном состоянии Аякс нападает на стадо овец, принимая животных за врагов. Когда безумие проходит, он осознает, что совершил. И, размышляя о запятнанной поражением жизни, совершает самоубийство, бросаясь на свой меч. Несправедливость ранит гордость Аякса, он чувствует себя униженным и обманутым, что становится катализатором трагедии. В «Одиссее», когда Одиссей спускается в подземный мир и встречает тень Аякса, он пытается заговорить с ним, выражая сожаление, но тень остается молчаливой, что символизирует неизбывную горечь и стыд, преследующие Аякса и после смерти. Современная концепция МТ, экстраполируемая на античный материал, показывает травмирующую силу моральных страданий. Даже великие герои могут пасть, если не найдут в себе сил для самопрощения и примирения.

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

История является примером, который можно рассматривать как архетип МТ, суицида и БС у некоторых участников боевых действий — «Эффект Аякса». Она позволяет понять, как несправедливость, стыд и поражение могут привести к экзистенциальным кризисам, вызывая мгновенный нелинейный переход от мыслей к СП (Сагалакова, Труевцев, Сагалаков, 2016).

Самоубийство Аякса можно интерпретировать как результат кумуляции переживания МТ и неспособности интегрировать опыт потери чести в свою идентичность, а стыд — как катализатор. Аякс видит жизнь через призму воинской идентичности; потеря социального статуса разрушает смысл существования, лишая его надежды на восстановление (Сагалакова, Труевцев, Сагалаков, 2016).

Чувство безысходности, которое охватывает Аякса, напоминает депрессивные эпизоды при МТ. Его неспособность найти выход, кроме как через смерть, подчеркивает тяжесть психологической нагрузки и отсутствие сдерживающих суицид причин для жизни. Подобно Аяксу, небольшая часть ветеранов боевых действий могут также чувствовать себя чужими в мирной жизни, а также переживать вину. Потеря воинской идентичности может вызывать психологических кризис. Аякс ощущает, что его осудят или отвергнут соратники. Участники боевых действий с МТ также могут бояться осуждения за свои эмоциональные трудности, что снижает возможность получения психологической поддержки.

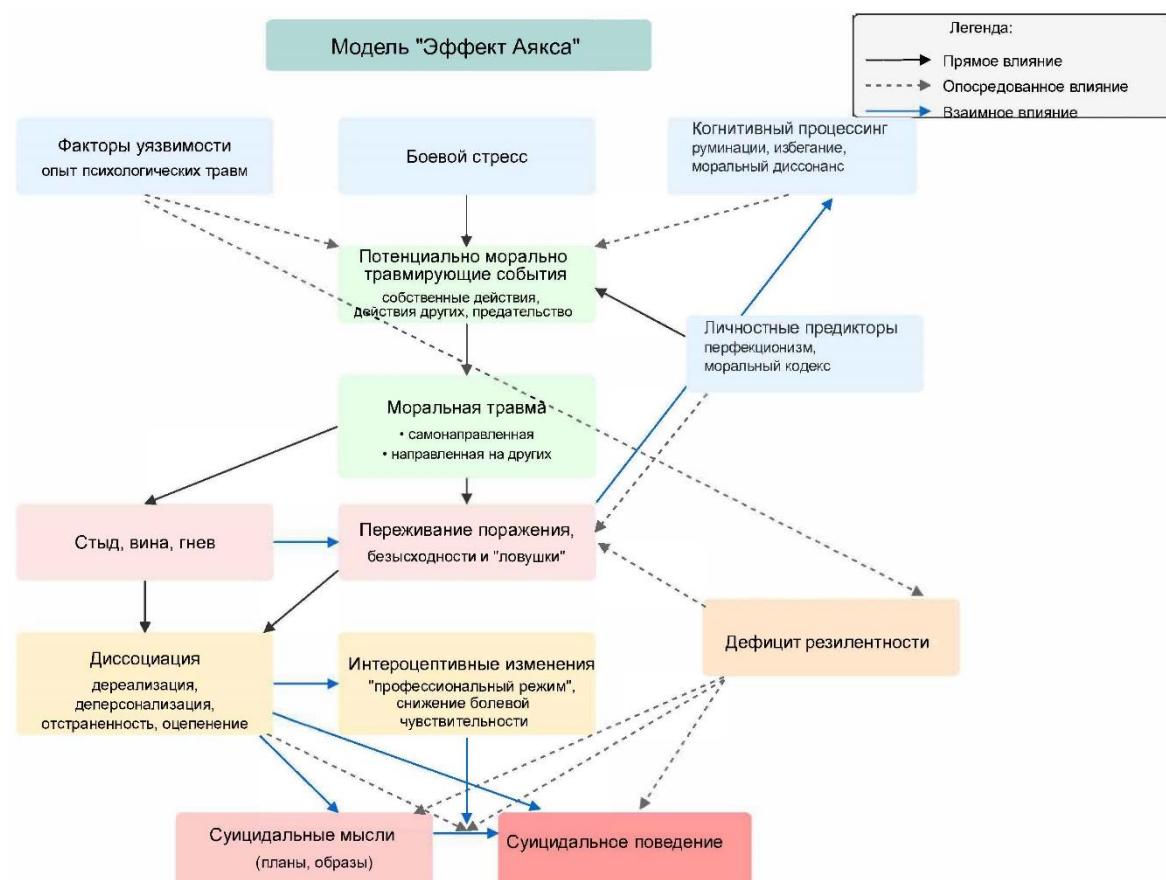

Рис. Модель «Эффект Аякса»: роль моральной травмы, негативных социальных эмоций, диссоциации и дефицита резилентности в формировании суицидальных мыслей и поведения

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

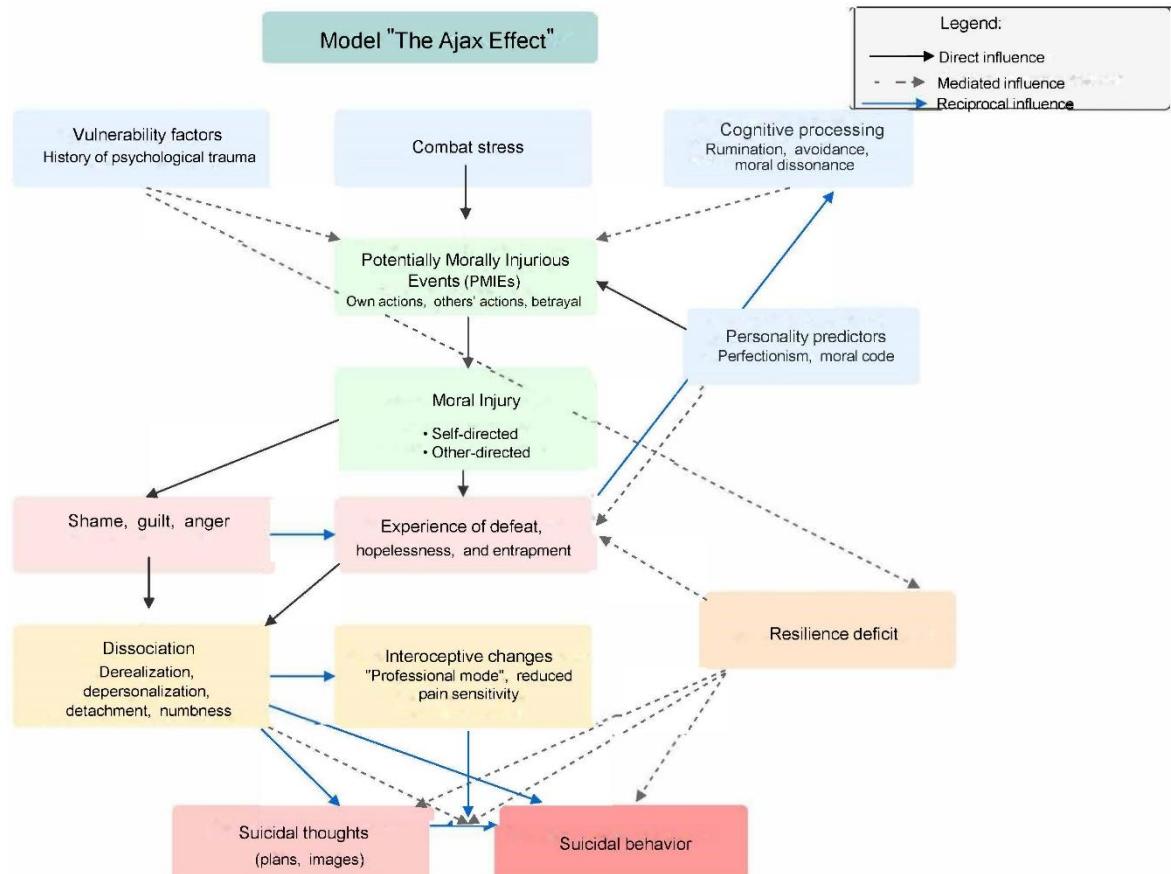

Fig. The Ajax Effect Model: the role of moral injury, negative social emotions, dissociation, and resilience deficit in the development of suicidal ideation and behavior

История Аякса позволяет рассмотреть суицидальный поступок при боевой МТ как динамичный процесс разрушения личности под влиянием стыда, вины и утраты смысла жизни, а также выяснить, как внешние обстоятельства и моральные страдания могут привести к катастрофическим последствиям. Сюжет напоминает о важности раннего вмешательства для преодоления кризиса, обретения смысла жизни в контексте интеграции травматического опыта (рисунок) (Сагалакова, Труевцев, Жирнова, 2022, 2025).

Смысл жизни и другие факторы резилентности в профилактике суицидального риска при моральной травме. Для эффективной профилактики СП при МТ важно не рассматривать данный вид травмы исключительно как патологию и только с позиции психиатрии. МТ не классифицируется как отдельное психическое расстройство, так как испытывать фрустрацию и когнитивный диссонанс, когда рушатся представления о мире и себе, нормально. Фокус на укреплении факторов резилентности является ключевым направлением превентивной работы. Данный тезис согласуется с современным пониманием БС в целом, который включает не только деструктивные и травматические, но и адаптивные уровни реагирования (Кадыров, Дмитриева, 2021; Кааяни, 2024). «Эффект Аякса» — скорее социально-психологический и этико-философский феномен. В определенных обстоятельствах дистресс, сопровождающий

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

МТ, может иметь положительную функцию, если приводит к посттравматическому росту (Park, Park, Peterson, 2010). Дифференцированный подход к последствиям экстремального опыта, подчеркивающий возможность не только нарушений, но и роста, важен для преодоления стигматизации и разработки эффективных программ поддержки участников боевых действий, столкнувшихся с МТ.

МТ — не результат неприемлемых действий, но их моральная оценка (Litz, Stein, Delaney, 2009), которая динамична и изменяется при переходе от службы к гражданской жизни (Zerach, Levinstein, Levi-Belz, 2024). Завершение службы в некоторых случаях является изменением, влияющим на психическое благополучие из-за потери военной идентичности и необходимости формировать новый смысловой контекст для связанного с ПМТС опыта. В первый год после увольнения отдельные военнослужащие, отдаляясь от своих сослуживцев и ценностей, могут быть более уязвимы. Лонгitudное исследование показало, что ПМТС Betrayal предсказывали случаи СП за текущие 12 месяцев через косвенный эффект депрессии, а ПМТС Betrayal и Self предсказывали частоту случаев СП за 12 месяцев через медиацию одиночеством (Zerach, Levinstein, Levi-Belz, 2024).

В построении моделей профилактики суицида участников боевых действий важно учитывать моральный стресс, так как МТ утяжеляет риски для психического здоровья. Интерес в этом отношении представляет теория базисных убеждений R. Janoff-Bulman, согласно которой травматические события могут разрушить базисные убеждения — как имплицитные, глобальные, устойчивые представления о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение. МТ часто требует переработки травмирующих переживаний, что способствует созданию нового смысла жизни и убеждений, соответствующих обновленному опыту.

В модели смыслообразования N. Park подчеркивается роль убеждений о мире, обеспечивающих стабильность и предсказуемость. Когда травмирующие события нарушают данные представления, кризис может привести к смыслообразованию, обновляющему систему взглядов. Обсуждается, как после травмы опыт включается в новую когнитивную, ценностную структуру, что может способствовать психологическому росту (Park, Park, Peterson, 2010).

Дихотомия феномена наличия смысла и поиска смысла в жизни обсуждается в контексте определения факторов резилентности при МТ. Понимание жизненного опыта наряду со стремлением к значимым целям образуют устойчивый смысл жизни, а сила стремления установить или уточнить свое понимание или переживание смысла инициирует его поиск (Steger et al., 2006). МТ может быть ассоциирована с риском СМ, особенно когда нарушается смысл жизни (Bryan et al., 2018). Понимание цели может защищать от СМ, а активный поиск смысла не оказывает такого эффекта (Park, Park, Peterson, 2010). Ветераны боевых действий, нашедшие позитивное значение в опыте, испытывают меньше симптомов ПТСР и депрессии, а смысл жизни смягчает связь между ПМТС и СМ (Bryan et al., 2018). Те, кто могут извлечь смысл из травматических событий, сообщают о более высоком психологическом благополучии (Kelley et al., 2021; Park, Park, Peterson, 2010). В исследовании M.L. Kelley и коллег смысл жизни продемонстрировал последовательный косвенный эффект связи между самонаправленной МТ и СМ. Оба типа МТ связаны с выраженными СМ через снижение наличия смысла жизни как медиатора их связи (Kelley et al., 2021).

В исследовании ветеранов боевых действий Вьетнама с диагнозом ПТСР Н. Hendifin, A.P. Haas обнаружено, что пытающиеся покончить с собой, в отличие от не имевших попыток

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

самоубийства, чаще сообщали о чувстве вины в результате боевых действий. Показано, что собственные поступки при ПМТС связаны с безнадежностью, а предательство — с симптомами ПТСР и гневом. Чувства вины и стыда, характерные для самонаправленной МТ, указывают на тяжесть СМ среди ветеранов иракской и афганской эпох (Bryan et al., 2018).

Поскольку МТ, направленная на других, отражает негативное отношение к ним, поиск смысла жизни может быть не столь актуальным — важной оказывается способность к прощению, переосмыслению контекста события. Укрепление смысла жизни как особый фактор резидентности при самонаправленной МТ может стать значимым компонентом психотерапевтической практики.

Трансформация психологических моделей самоубийства, возможности их приложения к оценке и снижению суицидального риска при моральной травме. Несмотря на совершенствование моделей суицида, возможности прогнозирования СП остаются ограниченными, так как зачастую не учитываются взаимодействие между факторами, их косвенное влияние и скачкообразная динамика суицидальной траектории, определяющая резкий переход от низкого риска к высокому, минуя промежуточные этапы. Для решения вопросов профилактики СП целесообразно изучение не только предикторов самоубийства, но и факторов резидентности, которые и выступают основой построения соответствующих стратегий психологической коррекции и вмешательства (Сагалакова, Труевцев, Жирнова, 2022, 2025; Чистопольская, Колачев, Ениколопов, 2023; Bryan et al., 2018).

Связь между МТ, диссоциацией и СМ, СП у комбатантов и ветеранов боевых действий может включать несколько психологических механизмов, ее осмысление осуществляется в контексте моделей стрессовых расстройств и ведущих теорий самоубийств. Часть социальных, профессиональных и культурных факторов могут повышать риск самоубийства, эти переменные влияют на типы стрессовых триггеров, предшествующих попыткам, что диктует необходимость уточнения моделей риска суицида среди рассматриваемых выборок (Kelley et al., 2021; Nichter et al., 2020).

Ранние теории самоубийств выводили на передний план дисфункциональность социальной сплоченности в ущерб факторам индивидуальности, определяя СП как следствие социальной интеграции, альтруистического самопожертвования. В эволюционных теориях СП рассматривается как адаптация с целью выживания сообщества. В дальнейших исследованиях самоубийство трактуется как срыв эволюционной адаптации, заключающейся в ошибочности представлений о собственной смерти как более ценной для других, чем жизнь, а выбор смерти определяется как результат воспринимаемой обременительности (Joiner, 2005; Lamontagne et al., 2023).

Прогресс в разработке моделей СП связан с концептуальным изменением — переходом от идентификации внутренних переживаний как ключевых предикторов суицида — к многофакторным моделям, учитывающим взаимодействие комплекса предикторов и динамику риска во времени (Сагалакова, Труевцев, Жирнова, 2022, 2025). Обсуждаются разные механизмы СМ и СП, а также переменные, модерирующие связь между ними. Концепции перехода «от мыслей к действиям» сфокусированы на многомерности феномена суицидальности, связывая основанную на СМ склонность к действиям с различными факторами, в том числе с предрасположенностью (генетика, низкая болевая чувствительность), приобретенными (привыкание к боли, страху или смерти) и практическими (доступ к смертельным средствам) (Klonsky, May, 2015). Биopsихосоциальная

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

модель СП объединяет генетические, психологические, клинические детерминанты для определения риска. Отдаленные факторы предрасполагают к СП, а ближайшие могут провоцировать попытки. Данные факторы косвенно связаны с риском суицида через промежуточные фенотипы и когнитивные нарушения (Turecki et al., 2019). Острый стресс и МТ у лиц с боевым опытом могут взаимодействовать с предрасположенностями, потенциально повышая склонность к переходу от СМ к СП. В интегрированной мотивационно-волевой модели самоубийства R.C. O'Connor социальные и культурные факторы могут действовать как предрасположенности (O'Connor, Kirtley, 2018). Поддерживающие травму причины включают стратегии избегания, подавления эмоций, руминации, самонаказание, употребление ПАВ, мешающие переработке травмы и изменению негативных убеждений (Murray, Ehlers, 2021). Подверженны МТ больше люди с сильным моральным кодексом — жесткими принципами и высокими личными стандартами, самокритичностью, социально обусловленным перфекционизмом (Сагалакова, Труевцев, Жирнова, 2022, 2025; Холмогорова, 2016).

Согласно интерперсональной теории самоубийства T. Joiner (Joiner, 2005), высокий риск суицида определяется сочетанием переживания нарушенной принадлежности, социальной связности и ощущения обременительности — нереализованной потребности в социальной востребованности, в сочетании с желанием и приобретаемой способностью к СП. Способность к самоубийству может развиваться по принципу привыкания к самоповреждениям (Joiner, 2005; Kelley et al., 2021; Levi-Belz, Zerach, 2018; Murray, Ehlers, 2021). Совершающие попытки самоубийства могут преодолевать связанные со смертью страх и боль, что, по всей видимости, может наблюдаться при участии в боевых действиях. На фоне приобретенной способности, хотя вероятность, что человек будет думать о самоубийстве, не увеличится, риск самоубийства как действия при возникновении СМ вырастет. Попытка самоубийства с большей вероятностью реализуется, если одновременно есть и желание, и возможность перейти к действию (компонент «эффекта Аякса») (Joiner, 2005; Pachkowski et al., 2021).

В интерперсональных и многомерных теориях суицида обсуждаются индивидуальные различия в эволюции СП. Динамическая модель антивитального поведения и СП с учетом роли негативных социальных эмоций и факторов резилентности (Сагалакова, Труевцев, Сагалаков, 2016; Сагалакова, Труевцев, Жирнова, 2022, 2025), а также ряд теорий, напримеру концепция суицидального поведения (А.Г. Амбрумова), флюидная теория (Rudd, 2006), рассматривают суицид в рамках континуума риска, предполагая его нелинейное развитие во времени и свойство внезапного перехода от стабильного состояния к катастрофическому (Сагалакова, Труевцев, Сагалаков, 2016). Согласно когнитивной модели СП, острый стресс активирует суицидальные схемы (чувство безысходности и непереносимости), что приводит к дезадаптивной когнитивной обработке (фиксации внимания на сигналах, связанных с самоубийством), которая может предшествовать суицидальному кризису. Исследуются и параметры резилентности, например чувство общности с другими (Klonsky, May, 2015), позитивная перспектива будущего, социальная поддержка, целеустремленность в реализации социальных мотивов, навыки саморегуляции и планирования деятельности при способности к опосредствованию реакций в стрессе (Сагалакова, Труевцев, Сагалаков, 2016).

Ощущение «ловушки» (предиктор суицидальной траектории) характеризуется как острое желание вырваться в сочетании с переживанием безвыходности (P. Gilbert, S. Allan) и включает восприятие обстоятельств как неконтролируемых, непрекращающихся и

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе. *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress. *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

неизбежных. J.M.G. Williams связал это чувство с самоубийством в модели «крик боли». СП рассматривается как попытка вырваться из данного состояния, возникшего после поражения, активируя психобиологический сценарий беспомощности (Joiner, 2005).

В модели схематических самооценок при суициде (SAMS) (Johnson et al., 2010) предполагается, что СМ и СП — результат воспринимаемой безвыходной ловушки. Для людей с умеренным или высоким уровнем позитивных самооценок повышенная частота стрессовых событий не приводит к увеличению суицидальности. SAMS получила признание в суицидологии, используется в практике в форме когнитивно-поведенческой терапии профилактики суицида. Переживание поражения и ощущение «ловушки» — ключевые механизмы в модели, восприятие же социальной поддержки влияет на СМ через изменения в этих переменных. Хотя прямая связь между поддержкой и СМ не обнаружена, подтвержден косвенный путь через указанные механизмы.

Чувство загнанности в «ловушку» теснее связано с СП по сравнению с несуицидальным самоповреждающим поведением (НССП), способствует развитию суицидального сценария посредством депрессивных механизмов (негативные оценки или трудности с решением проблем) (O'Connor, Kirtley, 2018). Сочетание стрессовых переживаний с чувством поражения и ощущением «ловушки» может усиливать симптомы депрессии, которые в итоге приводят к суицидальному желанию (Johnson et al., 2010; Joiner, 2005).

В рамках разработки когнитивной терапии МТ H. Murray, A. Ehlers (Murray, Ehlers, 2021) выявили цикл поддержания травмы — негативные оценки и травматическая память поддерживают чувство угрозы, что приводит к неадаптивным стратегиям совладания, препятствующим изменению оценок и переработке травмы. Ввиду различий ПТСР и МТ вмешательство при МТ направлено на самопрощение и принятие действий с учетом целостного контекста события. Итак, МТ может разрушить базовые убеждения, что приведет к потере доверия, чувству бессмыслицы и отчуждению, поэтому и необходимо восстановление этих убеждений для снижения риска СП. Ментальное поражение связано с ощущением потери контроля и автономии, направленное вмешательство помогает восстановить чувство агентности.

Диссоциация, связанная с моральной травмой, в контексте психологических моделей суицидального поведения. Среди различных выборок, в частности и среди участников боевых действий, диссоциативные симптомы и расстройства связаны с СП и НССП (Campbell, 2023), что делает значимым учет роли диссоциации при оценке риска самоубийства. Нарушения психики могут появиться до участия в боевых действиях, особенно у молодых военнослужащих с ранним неблагоприятным опытом. Наличие симптомов диссоциации претендует на один из факторов риска попыток суицида и НССП у военнослужащих, усиливаемый предшествующими травмами (Campbell, 2023).

Военная подготовка, особенно ее экстремальные виды, связаны с переживанием диссоциации. Диссоциативная способность отстраняться от боли и страха смерти у комбатантов и ветеранов боевых действий в некоторых случаях может обостряться «профессиональным режимом», являющимся приобретенным навыком, как и в рассмотренном «эффекте Аякса». Диссоциация сопряжена с отчуждением телесных и психических переживаний, изменением восприятия и симптомами, схожими с психотическими (галлюцинаторный опыт), вероятно, под их влиянием Аякс совершил действия, которых впоследствии устыдился (Сагалакова, Труевцев, Жирнова, 2022, 2025).

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

Феномен обуславливает катастрофическую динамику перехода от МТ через СМ к СП (Сагалакова, Труевцев, Сагалаков, 2016). Дефицит интеграции памяти на травматический опыт с другими воспоминаниями приводит к фрагментарным, насыщенным сенсорными впечатлениями интрузиям. Деконтекстуализированное кодирование памяти часто связано с диссоциацией во время травмы. Ментальное поражение и непринятие события сопряжены с трудностями включения опыта в контекст автобиографической памяти, что способствует его хроническому отчуждению (Murray, Ehlers, 2021).

Диссоциативные реакции при МТ могут иметь связь с риском суицида, подрывая тормозящие механизмы самосохранения (Lathan et al., 2023). Чувство оторванности от тела считается значимым фактором суицидального действия. Дефицит интероцепции, определяемой как субъективное осознание тела и способность воспринимать физиологические состояния, связан с попытками суицида (Rogers, Hagan, Joiner, 2018). Диссоциация имеет общие черты с интероцептивным дефицитом — через нарушение интеграции когнитивных, эмоциональных, физиологических переживаний и ограниченный доступ к ментальному опыту она выступает катализатором перехода от СМ к попыткам. Преодоление барьеров боли и страха за счет изменения восприятия тела делает суицидента способным реагировать действием на СМ. Сила диссоциативных переживаний сопряжена с более жестокими и летальными способами СП (Pachkowski et al., 2021). Характеризуя модель «суицидального тела», I. Orbach подчеркивает роль диссоциативного ослабления боли. Из двух типов диссоциации (комpartmentализация и отстранение) именно отстранение, включающее ощущение нереальности Я (деперсонализация) и окружающего мира (дереализация), тесно связано с риском СП (Caulfield, Karnick, Capron, 2022). Неприятие тела, отстраненность, физическая ангедония и переносимость боли облегчают причинение себе вреда, укрепляя связь между СМ и СП.

Переносимость боли в работе A. Rabasco, M.S. Andover напрямую не была ассоциирована с частотой попыток, но двустороннее взаимодействие с СМ показало связь с увеличением риска СП. В рамках трехстороннего взаимодействия изучено совокупное влияние диссоциации, устойчивости к боли и СМ на частоту попыток. Наибольшее число попыток регистрировалось у имевших сочетание СМ с диссоциацией. При СМ диссоциация, независимо от уровня болевой устойчивости, была связана с большим числом попыток самоубийства. Считается, что именно диссоциация играет ключевую роль в усилении связи СМ с СП (Rabasco, Andover, 2020).

Заключение

МТ — формирующееся понятие, психологический феномен, включает комплекс философско-этических, эмоционально-когнитивных и поведенческих компонент, отличный от ПТСР по психологической структуре и механизмам. МТ как значимый феномен требует систематического закрепления в нормативных актах, регулирующих право на терапевтическую помощь, с четким профилактическим фокусом. Признание необходимости учета МТ при оценке суицидального риска может быть полезно в рамках экспертной деятельности, уточнения реабилитационно-профилактической парадигмы в работе с особыми состояниями при БС. Юридическое признание МТ — важный шаг к системе, где работа с моральным страданием станет нормой права и важным инструментом в работе с поведенческими рисками.

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

Обсуждение того, как МТ может способствовать формированию СМ и СП у комбатантов и ветеранов боевых действий, которые могут сталкиваться с БС и ПТСР соответственно, выстроено в контексте симптомов диссоциации, типа ПМТС и МТ, а также факторов уязвимости, когнитивного процессинга и личностных предикторов. Наряду с предикторами, которые могут усиливать влияние МТ на СМ и СП, ключевыми для понимания возможностей профилактики и построения направленного вмешательства выступают факторы резидентности, например смысл жизни, посттравматический рост, навыки саморегуляции и социальная поддержка.

Рассмотрение взаимосвязи между МТ, диссоциацией и суицидальным риском представлено через призму концепта «Эффект Аякса», который позволил проиллюстрировать вероятностные механизмы формирования СП при боевой МТ, разворачивающегося по типу нелинейного сценария с переходом от мыслей к действиям через переживания поражения, стыда, ощущения загнанности в «ловушку». Диссоциация, включая дереализацию, деперсонализацию и снижение болевой чувствительности, и приобретенная способность к отстранению от физической боли могут усиливать динамику перехода от СМ к СП. Представленная модель помогает лучше понять переживания участников боевых действий, сталкивающихся с ПМТС, способные разрушить базисные убеждения. Модель «Эффект Аякса» обогащает концептуальное поле исследований, уточняя механизмы, понимание которых может помочь в профилактике суицидального риска в данных выборках. Это открывает пути для разработки превентивных стратегий, направленных на снижение влияния факторов риска и усиление механизмов резидентности (см. рисунок).

На основании проведенного анализа можно определить направления для будущих исследований. Перспективны: 1) лонгитюдное исследование динамики «эффекта Аякса», в частности роли диссоциации как предиктора перехода от СМ к действиям у участников боевых действий с МТ; 2) адаптация и валидизация на российской выборке инструментов для диагностики МТ (с учетом ее типов) и связанных диссоциативных симптомов с целью своевременной диагностики и профилактики рисков; 3) исследование роли культурно-специфических моральных кодексов и ценностей в формировании МТ и факторов резидентности (смысл жизни, социальная поддержка, самопрощение) у комбатантов и ветеранов боевых действий; 4) разработка и оценка эффективности профилактических и психотерапевтических интервенций, таргетирующих механизмы МТ (стыд, вина, моральный диссонанс, диссоциация) и усиливающих факторы резидентности для снижения суицидального риска.

Ограничения. Исследование является теоретическим обзором, и предложенная модель механизмов СП при МТ требует эмпирической верификации. Выводы ограничены объемом проанализированной литературы и представляют вероятностную модель сложных процессов, без учета всех возможных индивидуальных и контекстных факторов. Требуются дальнейшие исследования психологической структуры и закономерностей «эффекта Аякса» для преодоления потенциальных рисков упрощения комплексного феномена.

В процессе контекстуализации зарубежных исследований необходимо с осторожностью подходить к интерпретации и адаптации зарубежных данных и протоколов, поскольку при изучении БС в выборках комбатантов важно учитывать разницу в интенсивности ведения боевых действий, масштабности различных военных конфликтов, а также в соотношении

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе. *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress. *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

боевых условий и сил сторон, участвующих в них. Кроме того, военная терминология в разных странах может различаться.

Limitations. The study is a theoretical review and the proposed model of suicidal behavior (SB) mechanisms in moral injury (MI) requires empirical verification. The findings are limited by the amount of literature analyzed and present a probabilistic model of complex processes without considering all possible individual and contextual factors. Further research on the psychological structure and patterns of the Ajax Effect is required to overcome potential risks of simplifying a complex phenomenon.

In the process of contextualizing foreign studies, care must be taken in interpreting and adapting foreign data and protocols, as it is important to take into account differences in the intensity of combat, the scale of different military conflicts, and the ratio of combat conditions and forces of the parties involved in them when studying BS in samples of combatants. In addition, military terminology may differ from country to country.

Список источников / References

1. Днов, К.В., Барт, Д.А., Демина, С.Д., Казанджан, Г.П., Тягнерев, А.Т., Ятманов, А.Н. (2024). Особенности суицидального поведения военнослужащих: ретроспективное исследование. *Морская медицина*, 10(4), 111—119. <https://doi.org/10.22328/2413-5747-2024-10-4-111-119>
Dnov, K.V., Bart, D.A., Demina, S.D., Kazandzhan, G.P., Tyagnerev, A.T., Yatmanov, A.N. (2024). Suicidal behavior of servicemen: retrospective study. *Marine Medicine*, 10(4), 111—119. (In Russ.). <https://doi.org/10.22328/2413-5747-2024-10-4-111-119>
2. Зеленина, Н.В., Чернявский, Е.А., Федоткина, И.В., Старенченко, Ю.Л., Юсупов, В.В. (2024). Диагностика уровня психических нарушений у комбатантов с острым стрессовым расстройством на этапе госпитальной реабилитации. *Клиническая и специальная психология*, 13(2), 46—60. <https://doi.org/10.17759/cpse.2024130203>
Zelenina, N.V., Chernyavskiy, E.A., Fedotkina, I.V., Starenchenko, Yu.L., Yusupov, V.V. (2024). Diagnostics of the level of mental disorder in combatants with acute stress disorder on the stage of hospital rehabilitation. *Clinical Psychology and Special Education*, 13(2), 46—60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2024130203>
3. Кадыров, Р.В., Дмитриева, О.Б. (2021). Моральная травма: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностике и психотерапии. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 23(2), 438—446. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-438-446>
Kadyrov, R.V., Dmitrieva, O.B. (2021). Moral Injury: Modern Approaches to the Definition of the Concept, Etiology, Diagnosis, and Psychotherapy. *The Bulletin of Kemerovo State University*, 23(2), 438—446. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-438-446>
4. Кааяни, А.Г. (2024). Боевой стресс: проблемы определения и классификации. *Вестник Московского университета МВД России*, 1, 254—264. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-254-264>
Karayani, A.G. (2024). Combat stress: problems of definition and classification. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, 254—264. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-1-254-264>

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе. *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

5. Китаев-Смык, Л.А. (2001). *Стресс войны: фронтовые наблюдения врача-психолога*. М.: М-во культуры РФ; Рос. ин-т культурологии.
Kitayev-Smyk, L.A. (2001). *Stress of the war: frontline observation of a clinical psychologist*. Moscow: Ministry of Culture of the Russian Federation; Russian Institute of Cultural Studies. (In Russ.).
6. Крюков, Е.В., Шамрей, В.К., Марченко, А.А., Лобачев, А.В., Хабаров, И.Ю., Колодин, С.Н. (2023). Посттравматическое стрессовое расстройство: эволюция взглядов. *Психиатрия*, 21(4), 57—71. <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2023-21-4-57-71>
Kryukov, E.V., Shamrey, V.K., Marchenko, A.A., Lobachev, A.V., Khabarov, I.Yu., Kolodin, S.N. (2023). Post-Traumatic Stress Disorder: Evolution of Views. *Psychiatry (Moscow)*, 21(4), 57—71. (In Russ.). <https://doi.org/10.30629/2618-6667-2023-21-4-57-71>
7. Сагалакова, О.А., Труевцев, Д.В., Жирнова, О.В. (2022). Руминации как психологический механизм формирования и поддержания суицидального поведения. *Современная зарубежная психология*, 11(1), 124—136. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110112>
Sagalakova, O.A., Truevtsev, D.V., Zhirnova, O.V. (2022). Rumination as a psychological mechanism in the suicidal behavior formation and maintenance. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 11(1), 124—136. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110112>
8. Сагалакова, О.А., Труевцев, Д.В., Жирнова, О.В. (2025). Психологическая роль диссоциации и негативного повторяющегося мышления в динамике суицидального поведения при посттравматическом стрессовом расстройстве. *Неврологический вестник*, 57(2), 180—193. <https://doi.org/10.17816/nb642098>
Sagalakova, O.A., Truevtsev, D.V., Zhirnova, O.V. (2025). The Psychological Role of Dissociation and Repetitive Negative Thinking in the Development of Suicidal Behavior in Posttraumatic Stress Disorder. *Neurology Bulletin*, 57(2), 180—193. (In Russ.). <https://doi.org/10.17816/nb642098>
9. Сагалакова, О.А., Труевцев, Д.В., Сагалаков, А.М. (2016). *Нарушение когнитивной регуляции социальной тревоги при антиヴィтальном поведении*. Томск: Изд-во Томского университета.
Sagalakova, O.A., Truevtsev, D.V., Sagalakov, A.M. (2016). *Impaired cognitive regulation of social anxiety in individual behavior*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (In Russ.).
10. Столяренко, А.М. (2008). *Экстремальная психопедагогика: Учебное пособие для вузов*. М.: ЮНИТИ-ДАНА.
Stolyarenko, A.M. (2008). *Extreme psychopedagogy A textbook for universities*. Moscow: YUNITI-DANA. 607. (In Russ.).
11. Сукиасян, С.Г., Григорян, А.К., Тадевосян, М.Я., Бабахабян, А.А. (2024). Прогностическое значение симптомов боевой травмы для раннего развития посттравматических стрессовых расстройств. *Современная терапия психических расстройств*, 1, 2—9. <https://doi.org/10.21265/psyph.2024.42.71.001>
Sukiasyan, S.G., Grigoryan, A.K., Tadevosyan, M.Ya., Babakhanyan, A.A. (2024). The Prognostic Value of Combat Trauma Symptoms for the Early Development of Post-traumatic Stress Disorders. *Current Therapy of Mental Disorders*, 1, 2—9. (In Russ.). <https://doi.org/10.21265/PSYPH.2024.42.71.001>
12. Холмогорова, А.Б. (2016). Суицидальное поведение: теоретическая модель и практика помощи в когнитивно-бихевиоральной терапии. *Консультативная психология и*

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе. *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress. *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

- психотерапия, 24(3), 144—163. <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240309>
- Kholmogorova, A.B. (2016). Suicidal behavior: theoretic model and practical implications in cognitive-behavioral therapy. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24(3), 144—163. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240309>
13. Чистопольская, К.А., Колачев, Н.И., Ениколопов, С.Н. (2023). Вопросы диагностики суицидального риска: где, когда и как проводить оценку. *Консультативная психология и психотерапия*, 31(2), 9—32. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310201>
- Chistopolskaya, K.A., Kolachev, N.I., Enikolopov, S.N. (2023). Questions for Suicide Risk Assessment: There, Then and How to Measure? *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 31(2), 9—32. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310201>
14. Шамрей, В.К., Курасов, Е.С., Колчев, А.И., Старостина, Е.В. (2025). Боевая психическая патология: от эволюции взглядов до современных представлений. *Российский психиатрический журнал*, 1, 5—12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80545798> (дата обращения: 15.01.2025).
- Shamrey, V.K., Kurasov, E.S., Kolchev, A.I., Starostina, E.V. (2025). Combat mental pathology: from the evolution of views to modern concepts. *Russian Journal of Psychiatry*, 1, 5—12. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80545798> (viewed: 15.01.2025).
15. Bonson, A., Murphy, D., Aldridge, V., Greenberg, N., Williamson, V. (2024). Veterans' experiences of moral injury, treatment and recommendations for future support. *BMJ Military Health*, 170(e2), e104—e109. <https://doi.org/10.1136/military-2022-002332>
16. Bryan, C.J., Bryan, A.O., Roberge, E., Leifker, F.R., Rozek, D.C. (2018). Moral injury, posttraumatic stress disorder, and suicidal behavior among National Guard personnel. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy*, 10(1), 36—45. <https://doi.org/10.1037/tra0000290>
17. Campbell, K.A. (2023). Dissociation: An overlooked concern in military training and an important factor in suicide. *European Journal of Trauma & Dissociation*, 7(4), Article 100351. <https://doi.org/10.1016/j.ejtd.2023.100351>
18. Caulfield, N.M., Karnick, A.T., Capron, D.W. (2022). Exploring dissociation as a facilitator of suicide risk: A translational investigation using virtual reality. *Journal of Affective Disorders*, 297, 517—524. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2021.10.097>
19. Christoforou, C. (2022). Combat Trauma and Ajax: A Script-Based Approach. In: O. Rees, K. Hurlock, J. Crowley (Eds.), *Combat Stress in Pre-modern Europe. Mental Health in Historical Perspective*. Palgrave Macmillan, Cham (pp. 63—82). https://doi.org/10.1007/978-3-031-09947-2_4
20. Currier, J.M., Farnsworth, J.K., Drescher, K.D., McDermott, R.C., Sims, B.M., Albright, D.L. (2018). Development and evaluation of the Expressions of Moral Injury Scale-Military Version. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, 25(3), 474—488. <https://doi.org/10.1002/cpp.2170>
21. Houle, S.A., Ein, N., Gervasio, J., Plouffe, R.A., Litz, B.T., Carleton, R.N., Hansen, K.T., Liu, J.J.W., Ashbaugh, A.R., Callaghan, W., Thompson, M.M., Easterbrook, B., Smith-MacDonald, L., Rodrigues, S., Bélanger, S.A.H., Bright, K., Lanius, R.A., Bake, C., Younger, W., Bremault-Phillip, S., Nazarov, A. (2024). Measuring moral distress and moral injury: A systematic review and content analysis of existing scales. *Clinical Psychology Review*, 108, Article 102377. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2023.102377>

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суициdalного поведения при боевом стрессе. *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

22. Johnson, J., Gooding, P.A., Wood, A.M., Tarrier, N. (2010). Resilience as positive coping appraisals: Testing the schematic appraisals model of suicide (SAMS). *Behaviour Research and Therapy*, 48(3), 179—186. <https://doi.org/10.1016/j.brat.2009.10.007>
23. Joiner, T. (2005). *Why people die by suicide*. Cambridge, MA. Harvard University Press.
24. Kelley, M.L., Chae, J.W., Bravo, A.J., Milam, A.L., Agha, E., Gaylord, S.A., Vinci, C., Currier, J.M. (2021). Own soul's warning: Moral injury, suicidal ideation, and meaning in life. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice and Policy*, 13(7), 740—748. <https://doi.org/10.1037/tra0001047>
25. Klonsky, E.D., May, A.M. (2015). The Three-Step Theory (3ST): A new theory of suicide rooted in the “ideation-to-action” framework. *International Journal of Cognitive Therapy*, 8(2), 114—129. <https://doi.org/10.1521/ijct.2015.8.2.114>
26. Lamontagne, S.J., Zabala, P.K., Zarate Jr, C.A., Ballard, E.D. (2023). Toward objective characterizations of suicide risk: A narrative review of laboratory-based cognitive and behavioral tasks. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 153, Article 105361. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2023.105361>
27. Lathan, E.S., Sheikh, I.S., Guelfo, A., Choucair, K.C., Fulton, T., Julian, J., Mekawi, I., Currier, J.M., Powers, A., Fani, N. (2023). Moral injury appraisals and dissociation: Associations in a sample of trauma-exposed community members. *Journal of Trauma & Dissociation*, 24(5), 692—711. <https://doi.org/10.1080/15299732.2023.2231010>
28. Levi-Belz, Y., Zerach, G. (2018). Moral injury, suicide ideation, and behavior among combat veterans: The mediating roles of entrapment and depression. *Psychiatry Research*, 269, 508—516. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.08.105>
29. Litz, B.T., Stein, N., Delaney, E. (2009). Moral injury and moral repair in war veterans: a preliminary model and intervention strategy. *Clinical Psychology Review*, 29(8), 695—706. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2009.07.003>
30. Maguen S., Griffin B.J., Vogt D., Hoffmire C.A., Blosnich J.R., Bernhard P.A., Akhtar F.Z., Cypel Y.S., Schneiderman A.I. (2023). Moral injury and peri- and post-military suicide attempts among post-9/11 veterans. *Psychological Medicine*, 53(7), 3200—3209. <https://doi.org/10.1017/S0033291721005274>
31. Murray, H., Ehlers, A. (2021). Cognitive therapy for moral injury in post-traumatic stress disorder. *Cognitive Behaviour Therapist*, 14, Article 8. <https://doi.org/10.1017/S1754470X21000040>
32. Nicter B., Hill M., Norman S., Haller M., Pietrzak R.H. (2020). Impact of specific combat experiences on suicidal ideation and suicide attempt in U.S. military veterans: Results from the National Health and Resilience in Veterans Study. *Journal of Psychiatric Research*, 130, 231—239. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2020.07.041>
33. O'Connor, R.C., Kirtley, O.J. (2018). The integrated motivational-volitional model of suicidal behavior. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological Sciences*, 373(1754), Article 20170268. <https://doi.org/10.1098/rstb.2017.0268>
34. Pachkowski, M.C., Rogers, M.L., Saffer, B.Y., Caulfield N.M., Klonsky E.D. (2021). Clarifying the Relationship of Dissociative Experiences to Suicide Ideation and Attempts: A Multimethod Examination in Two Samples. *Behavior Therapy*, 52(5), 1067—1079. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2021.03.006>

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе. *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress. *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

35. Park, N., Park, M., Peterson, C. (2010). When is the search for meaning related to life satisfaction? *Applied Psychology Health and Well-Being*, 2(1), 1—13. <https://doi.org/10.1111/j.1758-0854.2009.01024.x>
36. Rabasco, A., Andover, M.S. (2020). The interaction of dissociation, pain tolerance, and suicidal ideation in predicting suicide attempts. *Psychiatry Research*, 284, Article 112661. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2019.112661>
37. Rogers, M.L., Hagan, C.R., Joiner, T.E. (2018). Examination of interoception along the suicidality continuum. *Journal of Clinical Psychology*, 74(6), 1004—1016. <https://doi.org/10.1002/jclp.22564>
38. Rudd, M.D. (2006). Fluid vulnerability theory: A cognitive approach to understanding the process of acute and chronic suicide risk. In: T.E. Ellis (Ed.). *Cognition and suicide: Theory, research, and therapy* (pp. 355—368). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/11377-016>
39. Steger, M.F., Frazier, P., Oishi, S., Kaler, M. (2006). The meaning in life questionnaire: Assessing the presence of and search for meaning in life. *Journal of Counseling Psychology*, 53(1), 80—93. <https://doi.org/10.1037/0022-0167.53.1.80>
40. Turecki G., Brent D.A., Gunnell D., O'Connor R.C., Oquendo M.A., Pirkis J., Stanley B.H. (2019). Suicide and suicide risk. *Nature Reviews Disease Primers*, 5, Article 74. <https://doi.org/10.1038/s41572-019-0121-0>
41. Williamson, V., Greenberg, N., Murphy, D. (2021). Predictors of moral injury in UK treatment seeking veterans. *Child Abuse & Neglect*, 112, Article 104889. <https://doi.org/10.1016/j.chab.2020.104889>
42. Zerach, G., Levinstein, Y., Levi-Belz, Y. (2024). Longitudinal associations between exposure to potentially morally injurious events and suicidal ideation among recently discharged veterans — The mediating roles of depression and loneliness. *Journal of Affective Disorders*, 350, 689—697. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.01.125>

Информация об авторах

Ольга Анатольевна Сагалакова, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>, e-mail: olgasagalakova@mail.ru

Дмитрий Владимирович Труевцев, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>, e-mail: truevtsev@gmail.com

Ольга Владимировна Жирнова, младший научный сотрудник лаборатории экспериментальной патопсихологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>, e-mail: olga.zhirnova.2015@mail.ru

Information about the authors

Olga A. Sagalakova, Candidate of Science (Psychology), Docent, Senior Researcher of the Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology and

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025) «Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной с моральной травмой, в формировании суицидального поведения при боевом стрессе *Психология и право*, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025) "The Ajax effect": The role of moral injury-related dissociation in the evolution of suicidal behavior during combat stress *Psychology and Law*, 15(4), 275—297.

Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9975-1952>, e-mail: olgasagalakova@mail.ru

Dmitry V. Truevtsev, Candidate of Science (Psychology), Docent, Senior Researcher of the Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4246-2759>, e-mail: truevtsev@gmail.com

Olga V. Zhirnova, Junior Researcher of the Laboratory of Experimental Pathopsychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6680-8286>, e-mail: olga.zhirnova.2015@mail.ru

Вклад авторов

Сагалакова О.А. — основная идея и научное руководство теоретическим исследованием; разработка концепта «Эффект Аякса» в рамках развития динамической модели антивитальности и суицидального поведения, его методологическое обоснование; сбор, анализ и обобщение теоретических данных, написание научной работы; разработка иллюстрации модели «Эффект Аякса»; редактирование и корректировка рукописи.

Труевцев Д.В. — основная идея и научное руководство теоретическим исследованием; разработка концепта «Эффект Аякса» в рамках развития динамической модели антивитальности и суицидального поведения, его методологическое обоснование; сбор, анализ и обобщение теоретических данных, написание научной работы; разработка иллюстрации модели «Эффект Аякса»; редактирование и корректировка рукописи.

Жирнова О.В. — сбор и анализ теоретических данных; структурирование теоретического материала; участие в написании фрагментов статьи; корректировка рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Olga A. Sagalakova — conceptualization and scientific supervision of the theoretical study; development of the “Ajax Effect” concept within the framework of the dynamic model of antivitality and suicidal behavior, including its methodological justification; collection, analysis, and synthesis of theoretical data; writing – original draft; development of the “Ajax Effect” model illustration; writing – review and editing.

Dmitry V. Truevtsev — conceptualization and scientific supervision of the theoretical study; development of the “Ajax Effect” concept within the framework of the dynamic model of antivitality and suicidal behavior, including its methodological justification; collection, analysis, and synthesis of theoretical data; writing – original draft; development of the “Ajax Effect” model illustration; writing – review and editing.

Olga V. Zhirnova — collection and analysis of theoretical data; structuring of theoretical material; contribution to drafting the manuscript; proofreading.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В., Жирнова О.В. (2025)
«Эффект Аякса»: роль диссоциации, связанной
с моральной травмой, в формировании
суицидального поведения при боевом стрессе
Психология и право, 15(4), 275—297.

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Zhirnova O.V. (2025)
"The Ajax effect": The role of moral
injury-related dissociation in the evolution
of suicidal behavior during combat stress
Psychology and Law, 15(4), 275—297.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование не требовало одобрения Этического комитета.

Ethics statement

The study did not need the approval of the ethics committee.

Поступила в редакцию 20.01.2025

Received 2025.01.20

Поступила после рецензирования 20.03.2025

Revised 2025.03.20

Принята к публикации 26.06.2025

Accepted 2025.06.26

Опубликована 30.12.2025

Published 2025.12.30